

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ОПЫТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В РОССИИ
ЛЕТОМ 1917 Г.

В. А. МАТВЕЕВ

Июльские события в Петрограде способствовали углублению революционного кризиса в России, сопровождавшегося дестабилизацией обстановки не только в центральных субъектах, но и на окраинах. В пределах Терской области летом 1917 г. участились межэтнические конфликты. И в тех условиях провоцировались они набегами на казачьи и иные русские поселения, а также аулы мирных горцев. В ходе их осуществлялись «грабежи и разбои», подрывавшие сельскохозяйственное производство. Обозначившаяся угроза гражданской войны для народов края оказывалась так или иначе общей. Наметился отток русского населения. Беженцами становились и горцы. По мнению автора, в 1917 г. восстановилась линия противостояния, существовавшая когда-то в эпоху Кавказской войны. Однако по критерию «свой — чужой» она не имела уже четкой привязки к тем или иным локальным ареалам. Сказывалось смешение населения, произошедшее из-за оттока в равнинные аулы с нагорной полосы. Тем не менее, как и в период Кавказской войны, немалая часть горцев включилась в противодействие набегам, подтверждая и в условиях революционной неопределенности приверженность российскому выбору. В статье анализируется исторический опыт поиска решений к восстановлению стабильности в крае и сохранению целостности общего для всех расселявшихся в его пределах народов отечества. Для раскрытия темы привлечена информация из источников, ранее не вводившихся в научный оборот. Показываются усилия всех этнических сообществ края в устранении конфликтных ситуаций и поиске соответствующих конструктивных решений.

Ключевые слова: исторический опыт, межэтнические конфликты, набеговая практика, революционный кризис, российское согражданство, солидарное взаимодействие, февральский переворот.

The July events in Petrograd worked towards further aggravation of Russian revolutionary crisis, followed by onward destabilization sweeping both central and peripheral regions of the country. In the summer of 1917, the northeastern areas of the Caucasus within the Tersky region witnessed an upswing in interethnic conflicts, which were at that point in time encouraged by ongoing raids on Cossack and other Russian settlements, as well as the auls of peaceful mountaineers. These raids came amid plunder and depredation, which undermined agricultural production. The imminent threat of civil war turned out a common peril for the peoples inhabiting the region, whereby both Russian population and the mountaineers fled to become refugees. The author believes that 1917 restored the line of confrontation, which once existed in the era of the Caucasian war. However, in terms of the «insider-outsider» criterion, this line was no longer clearly defined. This had a lot to do with the medley of population that emerged due to collective settling in flat land auls as people moved away from the upland. Nevertheless, just as was the case with the Caucasian War, many mountaineers joined in the resistance to raids, thus affirming their commitment to the choice of ties with Russia even in the context of revolutionary unrest. The article analyzes the historical practices in addressing stability issues in the region and preserving the integrity of the peoples that settled within it. The topic is explored using the data retrieved from sources previously not covered by the scientific

nomenclature. In keeping with these data, the study illustrates the efforts of all ethnic communities of the region in eliminating conflicts and finding appropriate practical solutions.

Keywords: *historical practices, ethnic conflicts, raids, revolutionary crisis, Russian co-citizenship, solidarity, February coup.*

Летом 1917 г. произошло обострение революционного кризиса в России. Дестабилизация так или иначе проявлялась и на окраинах. В северокавказском преломлении она сочеталась, в том числе, с распространением межэтнических конфликтов. Обстановка в Терской области продолжала ухудшаться. Тревожных сообщений становилось все больше. В донесениях с мест сообщалось: «Абреки грабят главным образом скот» [1]; «Кражи и грабежи не прекращаются. Скот угоняют табунами» [2]. Хозяйственная деятельность парализовывалась. Масштаб бедствия становился все более значительным. В ответ на это и другие события, связанные с распространением разбойных нападений, атаман Терского казачьего войска М. А. Караулов в начале июля 1917 г. отдал распоряжение «вооружаться и быть наготове для отражения восстания со стороны туземцев» [3].

На съезде представителей станиц Сунженского и Кизлярского отделов принимается решение «прекратить всякие сношения» с ними и каждого «казака, который пойдет на землю туземцев, считать изменником и поступать с ним как с врагом» [3]. Такое постановление являлось, безусловно, жестом отчаяния. На практике оно в предусмотрившемся первоначальном жестком варианте так и не было осуществлено. При возникновении конфликтных ситуаций приходилось так или иначе искать совместные подходы к примирению. Для прекращения разбоев также прилагались солидарные усилия, хотя при дезорганизации государственной власти они не приносили необходимого

результата. Разбои же на Северном Кавказе вбирали пережиточный традиционный опыт, воспроизведение которого в условиях революционного кризиса приводило к еще более трагическим последствиям. В противодействии определяющая роль могла принадлежать отнюдь не инициативам масс.

Вследствие участвовавших набегов положение в Терской области лишь усугублялось. В одной из публикаций сообщалось о том, что горцы, «арендовавшие земли у казаков, в некоторых станицах побросали хлеб и не могут его убрать, так как казаки их обстреливают» [4]. Председатель Чеченского комитета А. Мутушев о сложившейся ситуации уведомил вышестоящие инстанции: «Постановления казачьих кругов и съездов очень мешают работе и волнуют чеченцев». К Караулову он обратился с просьбой «прекратить происходящие беспорядки со стороны казаков» и отменить решения, принятые на съезде в станице Слепцовской о прекращении всех отношений с горцами [4]. Однако атаман Терского войска также оказывался не в состоянии повлиять на ситуацию.

6 июля 1917 г. во Владикавказ из Ведено поступила телеграмма, в которой сообщалось об ограблении «слобожан и артиллеристов». Органы власти в областном центре ставились в известность и о предъявленных в ответ на это требованиях. Основывались они на ультиматуме «о выдаче абреков в 3-х дневный срок». Если этого не произойдет, артиллеристы «постановили выступить в аулы с пушками» [2]. Однако областные органы власти не смогли и в

этом случае принять действенные меры для предотвращения назревавшего вооруженного столкновения. В тот же день, когда из Ведено была получена телеграмма, во Владикавказе «произошло убийство», как сообщалось в прессе, «туземцев... солдатами» [2]. Оба события, в которых сложно выявить взаимосвязанность, тем не менее, имели общую predeterminedность усложнявшейся обстановкой в Терской области.

Межэтнические столкновения в г. Владикавказе 6 июля 1917 г. также произошли вследствие провокации. Им предшествовали распускавшиеся слухи «об ужасах, якобы замышляемых против русских туземцами» [5]. Стихийно собирались толпы народа и включались в обсуждение складывавшегося положения. По казачьим станицам под предлогом необходимости самообороны «рассылались патроны и вооружения» [5]. Меры по предотвращению конфликта при сложившейся обстановке запаздывали. Об инциденте 6 июля 1917 г. в г. Владикавказе населению сообщалось, что «произошло кровопролитное столкновение между чеченцами и ингушами с одной стороны, между солдатами с другой» [6].

Газета «Терский вестник» напечатала следующие подробности о происшествии: «6 июля во Владикавказе произошли события, нарушившие мирную жизнь. Ходили разноречивые слухи. По всему городу собирались толпы народа, со всех концов бежали вооруженные военные патрули. На улицах останавливали ингушей и подвергали их аресту» [5]. Население оповещалось и о том, что послужило началом инцидента. Причиной вспышка насилия, в передаче корреспондентов, послужило «убийство на площади у женского монастыря солдатами 4-х ингушей» [5]. Как и при столкновениях в г. Грозном

стали распространяться искаженные сведения, усугублявшие положение. Передавалась информация, в частности, о том, что «ингуши напали на солдат», за монастырем происходит «перестрелка между солдатами и ингушами, на город стеной идут ингуши» [5]. Слухи такого рода провоцировали напряженность. Под их влиянием, как сообщалось в газете, «толпа творила самосуд» [5].

В газете «Заря свободы» отмечалось: «Население города находилось долго в тревожном состоянии и ожидало ответного выступления горцев, но его так и не произошло» [6]. Вместе с тем, сообщалось о принятых мерах: «Два полка дезертиров, которые не только потворствовали погрому горцев, но даже принимали участие в нем, и вообще чувствовали себя как в завоеванной стране, отправлены в другую местность» [6]. В свою очередь ингуши после произошедшего инцидента во Владикавказе 6 июля 1917 г. пытались донести через прессу до русского населения то, что «сами страдают от грабежей» [5]. В направляемых в органы власти ходатайствах они просили «в целях уменьшения преступности усилить наказания, вплоть до разрешения применять им суд шариата». При этом ингуши заявляли, что также «хотят мирной жизни» [5].

Таким образом, они признавали правомерность ужесточения наказания за совершенные преступления. Но применяться меры силового принуждения должны к тем, по настоянию представителей ингушского народа, кто непосредственно причастен к «грабежам и разбоям» [5]. К улаживанию конфликта и в этом случае подключились не органы государственной власти, сформированные после февральского переворота, а общественно-политические объединения: исполнительный комитет,

совет рабочих и солдатских депутатов и уполномоченные от социалистических партий.

Для предотвращения дальнейшего разрастания конфликта с ингушами делегация была сформирована 6 июля 1917 г. Она состояла преимущественно из русских. По этой причине высказывалось опасение, что после произошедшей во Владикавказе трагедии «ее убьют». Делегатов «уговаривали не ехать» [5]. Но они не отказались от намерения. Прибыв в тот же день «в ингушское селение Базоркино», они застали проходивший сход «около мечети». Собравшиеся как раз обсуждали на нем последствия «печального инцидента». Никакой враждебности к себе члены делегации на месте не обнаружили. Находившиеся у мечети, как сообщалось в газете, «Терский вестник», на их «приветствие... ответили приветствием» [5]. Прибывшие из областного центра посланцы от русского населения участникам схода разъяснили, что «случай... есть результат провокации приспешников царского самодержавия, которые сея рознь и смуту между народами, хотя тут погубить свободу» [5].

Возлагать вину за все неблагоприятные сценарии развития событий на «прежний режим» в 1917 г. стало обычной практикой. Применялся этот прием также для объяснения повторяемости межэтнических конфликтов на Северном Кавказе, что указывает на наличие общего государственного поля. В его пределах существовало и в условиях углублявшегося революционного кризиса сходное восприятие возникавших проблем. Намечалось при любых обстоятельствах и взаимодействие для их решения. А это являлось, безусловно, показателем существования согражданства, для которого объединяющим началом служила Россия. Проявилось

это и при сложившейся непростой ситуации из-за трагических событий 6 июля 1917 г. в г. Владикавказе.

Присутствовавшие на сходе ингуши посланцам от русского населения ответили: «Езжайте с миром... мы знаем, что действует провокация» [5]. И данной настрой, как можно судить по сохранившемуся описанию, являлся преобладающим. Даже после произошедшего 6 июля 1917 г. инцидента в г. Владикавказе ингуши не поддержали силовой вариант разрешения конфликта. Намерение на мирное сожительство в пределах единого отечества, как продемонстрировали участники схода, оказалось сильнее.

Описывая трагический эпизод «6-7 июля 1917 г. во Владикавказе», Б.О. Кашкаев в книге «От Февраля к Октябрю» (1972) дал типичное для советской историографии пояснение, что «столкновение горцев и солдат... было спровоцировано... контрреволюционерами» [7, 143]. Однако изложенные факты показывают его стихийное возникновение. Происшествие оказалось неожиданным. Сказалось прежде всего особое психологическое состояние населения Терской области, предопределявшееся напряженностью межэтнических отношений. Этому способствовало, в том числе поведение солдат из других районов страны, не знавших местной специфики и вследствие этого при соприкосновении с действительностью вспышек противостояния воспринимавших свое пребывание на Северном Кавказе «как в завоеванной стране» [6].

Для предотвращения межэтнических конфликтов различные меры принимались по всей Терской области. Так, совместный съезд «казаков и туземцев Сунженского отдела», созванный «в виду чрезмерных грабежей, терроризировавших население», вынужден-

ное из-за этого покидать «поля и жилища», постановил «учредить особую судебную комиссию, предоставив ей право применять в одинаковой мере к казакам и туземцам шариат» [8]. При выработке решения во внимание, как видно, принималась ответственность всех участников. Провоцировали же конфликтные ситуации своими действиями отдельные группы и занимавшиеся распространением слухов. Съезд «казаков и туземцев Сунженского отдела» показал, как и различные другие мероприятия, что массовой поддержки межэтнические столкновения и на том этапе не имели.

Проживавшие в крае казаки и горцы имели склонность договариваться и улаживать конфликты мирными средствами. Применение шариата для их предотвращения, как записано в постановлении съезда в Сунженском отделе, предусматривалось вследствие того, что по его нормам «убийство карается убийством, первая кража — отсечением правой руки, вторая — отсечением левой и т.д.» [8]. О значении, которое придавалось такому совместному решению, свидетельствует избрание в особую судебную комиссию представителей терского казачества. От него в ее состав вошел и «комиссар, член Государственной Думы М. А. Караулов» [8]. Однако недоверие из-за продолжавшихся грабежей и разбоев продолжало сохраняться.

Казаки запретили ингушам проезд по некоторым дорогам. На них выставлялись, как и в эпоху Кавказской войны, вооруженные дозоры. 8 июля 1917 г. вновь произошло убийство ингушей. Это вызвало в их среде крайнее беспокойство. Инцидент обсуждался на аульных сходах. Рассматривалась на них и возможность противодействия казакам. Органам власти и обществен-

ным организациям Терской области пришлось «снова принимать экстренные меры... к успокоению». Несмотря на сложность складывавшейся обстановки, признания необходимости жить в мире «в очередной раз удалось достигнуть» [9]. В аульных обществах преобладало, как можно заметить, понимание ненарушимости совместного проживания с казаками в составе России. Общегражданский настрой после февральского переворота и прекращения функционирования института подданства основывался на осознании именно такой реальности.

Межэтнические столкновения по всей Терской области тем не менее, несмотря на предпринимаемые усилия, получали в 1917 г. все более широкое распространение. В остальных частях Северного Кавказа было «сравнительно спокойно». В газетах сообщалось, что такая обстановка наблюдалась в Дагестанской и Кубанской областях, а также в Ставропольской и Черноморской губерниях [10]. Однако сохранявшаяся в крае напряженность так или иначе затрагивала и эти его субъекты. «Грабежи и разбои» порождали здесь состояние межэтнической отчужденности. Деорганизация государственной власти способствовала углублению революционного кризиса в стране, который имел, как можно судить по событиям на Северном Кавказе, трагические последствия. Обеспечивающие защиту функции не исполнялись.

Провоцировавшие напряженность нападения были направлены прежде всего против русского населения, подвергавшегося хозяйственному разорению. Несло оно и немалые людские потери. Хотя от набегов страдали и горцы, в них все же прослеживалась разрушительная для согражданства этническая избирательность. По поводу склады-

вавшейся ситуации из-за «грабежей и разбоев» в Сунженском округе в одном из газетных сообщений отражено, например, следующее: «Население находится в постоянном страхе... Казаки не могут выехать на работы на расстояние трех верст от дома. На них нападают и убивают. На некоторых станциях разбежались все служащие» [10].

В связи с обострившейся ситуацией на Северном Кавказе 10 июля 1917 г. состоялось «соединенное заседание президиума областного исполнительного комитета, исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, центрального комитета союза объединенных горцев, войскового правления Терского казачьего войска и представителей армии». Собравшиеся заслушали доклад «особой комиссии», созданной после трагических событий специально для разработки «мероприятий по охране г. Владикавказа от повторения межнациональных столкновений» и организации борьбы в области «с участвовавшими грабежами и разбоями». В заключительной части отчета о проделанной работе было отмечено, что «события 6 июля 1917 г. вновь допустить нельзя» [11].

Все присутствующие представители от различных этнических групп населения выражали так или иначе понимание необходимости «жить вместе» и признавали неотделимость края от остальной России. В принятом постановлении для устранения напряженности в его пределах предлагалось «Назрановскому окружному комитету и комиссару Назрановского округа, а также комитету Сунженского отдела безотлагательно созвать одновременный съезд ингушей Назрановского округа и казаков Сунженского отдела для организации борьбы с разбоями и грабежами и выяснении взаимоотношений»

[11]. Предусматривались наряду с этим и другие меры.

На заседании 10 июля 1917 г. «для систематической и беспощадной борьбы с разбоями» кроме того намечалось: «По городу Владикавказу организовать смешанную дружину из граждан. По области организовать смешанные войсковые части из казаков, Осетинского конного полка и туземной милиции». Сельским же обществам предлагалось «немедленно выдать всех абреков». Надежды возлагались, как уже отмечалось, и на созыв совместного съезда «ингушей и казаков» [10]. Наличие вызывавшейся набегами угрозы признавали, таким образом, все участники переговорного процесса. Противодействие же предусматривалось при помощи сложения общих усилий.

Проявилась данная тенденция и на съезде чеченского народа, состоявшегося в селении Старые Алды 12 июля 1917 г. Располагалось оно, как пояснялось в одной из корреспонденций с места прохождения, «неподалеку от города Грозного» [12]. Отражался при освещении и масштаб события. В опубликованных информационных обозрениях сообщалось, что «открылся грандиозный съезд представителей чеченского народа» [12]. На нем присутствовало свыше 5000 посланцев от различных аульных обществ [13]. По другим данным на съезд в селение Старые Алды 12 июля 1917 г. «съехалось до 7000 человек» [12]. Приглашение на него поступило и членам Грозненского совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Вместе с его посланцами на съезд прибыли также уполномоченные от станиц Кизлярского отдела [12].

Председателем его избран был А.-Х. Мутушев. Основным вопросом повестки являлась ситуация в Терской области, сложившаяся вследствие «гра-

бежей и разбоев». Перед съездом организаторами ставилась задача выработки мер борьбы с ними [12]. С осуждением нападений на русские поселения «выступили многие видные представители чеченского народа». С такой же направленностью речь произнес и Т.Э. Эльдарханов. Всеми присутствующими «в самой категорической форме было заявлено, что чеченский народ желает мирного сожительства, и хочет рука об руку с русским народом работать для закрепления свободы» [13]. Постановлением съезда намечалось «принять беспощадные меры борьбы с грабежами» [12].

Для этой цели предусматривалось в соответствии с его решениями «обложить сельчан по 10 р. с дыма» дополнительным налоговым сбором «для найма ответственной милиции». В результате обсуждений, как записано в принятом постановлении, съезд «высказался за борьбу с разбоями по шариату» [12]. На нем был «выделен совет Чечни для спешной разработки этих вопросов», составлена «шариатская комиссия из мулл». При завершении работы от всего съезда было сделано заявление, что «чеченский народ готов принести какие угодно жертвы для искоренения грабежей». На следующий день, 13 июля 1917 г., в г. Грозном открылось заседание «совета Чечни» [12]. В сложившихся условиях ему были приданы полномочия представительного органа власти, решения которого с учетом волеизъявления делегировавших их аульных сходоносителей носили обязывающий к исполнению характер.

Органами государственной власти и их краевыми подразделениями ставка делалась между тем преимущественно на силовую составляющую. 13 июля 1917 г. в г. Пятигорск поступила телеграмма, в которой командиру 113

запасного полка отдавался приказ распорядиться «о немедленном командировании на срок до окончания всех полевых работ в Хасав-Юртовском округе двух батальонов» [14, 9]. Направлялся туда и Терский гвардейский казачий дивизион, а также «взвод 44 легкой ополченческой бригады из Владикавказа». В телеграмме разъяснялось, что «отряд высылается по ходатайству съезда уполномоченных туземных аулов, русских поселений Хасав-Юртовского округа и представителей местных общественных и военных организаций». Ее подписал «Главкоокр генмайор Мдивани» [14, 9].

14 июля 1917 г. в селение Назрань, где до начала Первой мировой войны создавался для административного объединения ингушских аульных обществ самостоятельный окружной центр, из Владикавказа выехала делегация. В нее входили представители «от областного исполнительного комитета, совета солдатских и рабочих депутатов, городской думы, исполнительного комитета объединенных горцев, ингушей и казаков». На встречу с ней собралось все население Назрани. В знак примирения была отслужена панихида «по убитым во Владикавказе 6-8 июля» [15]. Совместные молебны православных и мусульман использовались нередко в проводившейся российской политике на Северном Кавказе и до 1917 г. В условиях революционного кризиса предшествующий опыт, как видно, был по-прежнему востребован.

После окончания панихиды прибывшие члены делегации выступили с речами. Вину за произошедшую трагедию они возложили «на приспешников старого строя, врагов свободы» [15]. Россия при этом представлялась в качестве неделимого обновленного после революции отечества. По постановле-

нию Владикавказской городской думы 16 июля 1917 г. на площади «Свобода» в 12 часов дня также была отслужена панихида «по убиенным 6-8 июля... гражданам магометанам и православным» [15]. Понимавшие специфику Северного Кавказа организаторы обеих мероприятий не проводили разделения по религиозной и этнической принадлежности. Для предотвращения дальнейших конфликтов задействовался фактор региональной общности. Массовое участие в мероприятиях православных и мусульман показывает степень поддержки инициативы на сохранение единства.

Российская интеграция на Северном Кавказе в тех непростых условиях выдерживала испытание на прочность. Прослеживалось это и при проявлениях солидарности мусульманского населения. За редким исключением они не носили антироссийской направленности даже после тех межэтнических столкновений, которые имели наиболее драматические последствия. Так, «владикавказскими и закавказскими мусульманами» были собраны средства «для передачи семьям ингушей, пострадавших при беспорядках 6 июля» [16]. Для их передачи была избрана депутация. Из г. Владикавказа в окружной центр Назрань она выехала 22 июля 1917 г. Приняв собранные средства, присутствовавшие на встрече ингуши выразили «глубокую благодарность жертвователям за отзывчивость к их национальному горю» [16].

Для предотвращения же конфликтов принимались различные меры. Население Терской области о них регулярно ставилось в известность. Так, 16 июля 1917 г. в газете «Терский вестник» появилась информация такого содержания: «В настоящий момент в местах, страдающих от разбоев и грабежей,

организуются смешанные войсковые части из казаков, Осетинского конного полка и туземцев-милиционеров для систематической и беспощадной борьбы с абреками и провокаторами» [15]. Отмечалось также и то, что «туземное население само охотно идет навстречу всем мероприятиям для борьбы со своим преступным элементом». В подтверждение в публикации приводилось установленное по его собственной инициативе «налоговое самообложение для покрытия большей части... всех расходов» [15]. По изложенным в корреспонденции подсчетам от требуемых затрат оно составило 70% [15].

Борьба же с «грабежами и разбоями», как можно судить по изложенным в заметке сведениям, воспринималась горцами как общее с русским населением «мероприятие», от исхода которого зависело восстановление мирных отношений. Сельским обществам в соответствии с принятыми решениями на народных съездах было предложено «немедленно выдать всех абреков». Против причисления всех без разбора к «ворам и разбойникам» ингуши и чеченцы категорически протестовали. Нерешительность действий объяснялась очевидцами тем, что они «сами боялись мести абреков». В цитируемой публикации в очередной раз сообщалось о принятом решении «народными сборами» ингушей и чеченцев применять шариат к разбойникам. За это «единогласно высказались» на них делегированные посланцы от аульных обществ [15].

Состояния же межэтнических конфликтов так или иначе всегда преодолевались и в условиях продолжавшегося революционного кризиса. Но на этом пути существовали и затруднения. На ингушском съезде, созванном в селении Назрань 16 июля 1917 г., постановление казаков Сунженского и Кизлярского

отделов «прервать с горским населением всякое сношение, а всякого казака, нарушившего это постановление, считать разбойником» было подвергнуто осуждению. Представители аульных обществ округа подтвердили, что такое решение «ставит население в затруднительное положение» [12]. Постановление казаков на съезде в станице Слепцовской было расценено как переход «к активным действиям». В составленном от ингушского населения заявлении казаков в ультимативной форме предупредили, что если они «не ликвидируют... постановления», то в округе будут приняты «вопреки желанию... надлежащие меры» [12].

Применение же их квалифицировалось в качестве вынужденного противодействия, которое неизбежно «приведет к вооруженному столкновению». Участники съезда в селении Назрань 16 июля 1917 г. жителей станиц поставили в известность, что их «на ингушской земле... будут встречать так же, как казаки ингушей» [12]. В сложившейся обстановке Караулов отказался взять на себя какую-либо ответственность в разрешении конфликта. Вызванная грабительскими набегами напряженность и раздражение в станицах заставляли атамана проявлять осторожность, так как он мог лишиться поддержки казачества. Но от разбоев страдали и горцы. Они оказывались заложниками складывавшейся ситуации. Однако компромисс и в этом случае был найден.

В тот же день, 16 июля 1917 г., в вышестоящие инстанции поступило телеграфное донесение о прошедших съездах «чеченцев и ингушей», на которых обсуждалась ситуация в Терской области, сложившаяся из-за нападений на русские села и казачьи станицы. Органы государственной власти ставились в известность о принятых постановле-

ниях «организовать ответственную милицию для борьбы с разбоями и грабежами». Сообщалось также о решении «ассигновать около полутора миллиона руб.» для ее обеспечения всем необходимым [17, 328]. Для того кризисного периода, следует заметить, это были значительные средства, позволявшие восполнить отсутствие официального финансирования.

Средства собирались по выраженной в решениях съездов «чеченцев и ингушей» инициативе аульных обществ, поддерживавшейся неоднократно проходившими по этому вопросу в 1917 г. сходами. В итоговых документах зафиксировано было и намерение «зарегистрировать и выдать абреков», а в качестве меры наказания «применять к ним шарият» [17, 328]. Российское законодательство в этом отношении по-прежнему казалось мягким. Сбор средств и изъявление готовности противостоять общей угрозе, таким образом, опирались на массовую поддержку.

Готовность к примирению с горцами для устранения конфликтных ситуаций изъявляло и русское население. 17 июля 1917 г. на «соединенном заседании исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, в присутствии комиссара области, атамана войска Терского, уполномоченного главнокомандующего Кавказской армией... при участии представителей Сунженского отдельского казачьего и крестьянского исполнительного комитета и войскового правления», как отображено в информационной сводке, «постановление слепцовского съезда о прекращении сношений между казаками и ингушами было отменено». Изменение обосновывалось формулировкой «в виду обстоятельств военного времени». Но необходимость «борьбы с разбоями» не снималась. Для принятия

соответствующих решений на 23 июля 1917 г. было намечено «созвать новый съезд в ст. Слепцовской» [12].

Со стороны государственной власти меры к устранению нестабильности на периферии принимались. Но они сводились преимущественно к попыткам придать происходившим процессам законные основания. Так, 17 июля 1917 г. был издан «Циркуляр управляющего Министерством внутренних дел И. Г. Церетели губернаторам и областным комиссарам об охране земельной собственности». В нем, в частности, признавалось следующее: «Самочинное распределение земельных угодий вносит анархию в земельные отношения» [18, 310]. На северокавказской окраине, как показывает предшествующий анализ, производились вместе с тем экспроприации скота и недвижимого имущества. О таких вариантах перераспределения в аграрном секторе между тем ничего не говорилось. Циркуляр, следовательно, не отображал складывавшейся реальности на Северном Кавказе, где масштаб разрушений в сфере сельскохозяйственного производства был весьма значительным.

Временное правительство, ссылаясь на обремененность «полнотой революционной власти» и принятый закон от 12 июля 1917 г., по которому предписывалось «весь земельный фонд» сохранить в неприкосновенности до созыва «Всероссийского Учредительного собрания», настаивало на соблюдении принятых государственной властью решений. В циркуляре управляющего Министерством внутренних дел И. Г. Церетели «Об охране земельной собственности» давалось обещание, что оно «передаст землю в руки трудящихся» [18, 310]. Но не прекращавшиеся экспроприации в аграрном секторе

на Северном Кавказе продолжали дестабилизировать обстановку.

18 июля 1917 г. в газете «Северокавказский край» появилась публикация, в которой содержалось предупреждение о разрастании масштабов трагедии: «Разбойники грабят открыто днем и разоряют десятки семейств, как русских, так и чеченцев. Создалось угрожающее положение» [19]. Устранить его стремились и сами горцы. О том, насколько массовыми были намерения прекратить набеги, свидетельствуют постановления различных местных съездов. В них чеченцы, например, давали заверения, что «будут жить с казаками по-братски и с абречеством справятся сами» [20]. Представители от различных сельских обществ «высказывались за немедленное образование для этого национальной милиции в 700 человек». Подчиняться она должна была в соответствии с принятым постановлением Чеченскому комитету, содержать ее намечалось также «за счет чеченского народа» [20]. «Национальная милиция» создавалась, таким образом, по народной инициативе. Ее предназначение определялось прежде всего для защиты русского населения.

Несмотря на ухудшающуюся обстановку, российская гражданская общность, как видно, продолжала сохраняться. Устойчивость ее проявлялась и при обстоятельствах, когда межэтнические конфликты на Северном Кавказе в условиях революционного кризиса достигали критической остроты. Подтверждением может, в частности, служить съезд в станице Слепцовской, состоявшийся 23 июля 1917 г. под председательством Караулова. В соответствии с намеченной повесткой на нем «обсуждался вопрос о борьбе с разбоями и грабежами» [21]. Вместе с тем работа «главным образом» сосредотачивалась

на отмене постановления, запрещавшего всем «без исключения» горцам находиться «на казачьей территории» [21].

На мероприятии, призванном восстановить мирные отношения, присутствовали «представители областного исполнительного комитета, совета рабочих и солдатских депутатов... чеченского и ингушского народа и... казаков среднесунженских станиц» [22]. Постановление предшествующего «Слепцовского съезда» было отменено. Выступавшие выразили преобладавший в среде различных этнических групп населения северокавказской окраины настрой на необходимость совместного противодействия разгулу разбойной стихии. Посланцами чеченского народа было предложено «организовать ответственную милицию, смешанные суды» [22]. С 24 июля 1917 г. по их настоянию намечалось «открыть в Грозном сессию шариатского суда» [22]. Взаимодействие различных этнических групп населения в противостоянии угрозе возобновления межэтнических конфликтов на Северном Кавказе, представлявшей одинаковую для всех опасность, таким образом, было восстановлено.

Однако в условиях разбалансирования государственной системы только за счет местных инициатив стабилизировать ситуацию и в этом случае не удалось. Она продолжала выходить из-под контроля и вновь обретала конфликтные свойства. В действительности в кризисных условиях 1917 г. наблюдалось и другое. После февральского переворота именно сложившееся в имперский период государство для полиэтнического сообщества на Северном Кавказе по-прежнему выступало объединительным началом. Однако восприятие этой реальности налагалось на состояние незавершившейся исторической кодификации, в которой

при отсутствии всеобщего владения русским языком, определяющую роль играл фактор самосознания. Одного измерения оно, безусловно, не имело.

Несмотря на это, у всех этнических общностей края преобладающим в ситуациях экстремальности оказывалось желание сохранения государственного единства. При возникновении конфликтных ситуаций не раз для примирения внимание сторон обращалось на то, что «казаки и туземцы грудью защищают свободную Россию от внешнего врага и признают на полях брани только один призыв — вперед» [23]. Складывавшаяся же обстановка на Северном Кавказе из-за продолжавшихся разбоев оказывалась противоречивой. Проявилось это в ходе работы съезда в станице Слепцовой, где «на соединенном заседании» было принято решение «отменить постановление о закрытии дорог» [23].

В среде казачества по этому поводу возникло недовольство. Относившиеся к не принимавшей такое предписание части представители станиц заявили на съезде, что «отменить их постановления никто не имеет права». Ими было выдвинуто требование «вызвать с фронта» сформированные в Терской области «казачьи полки» и для восстановления отношений с горцами получить от них «вознаграждения за убийства и кражи за все время войны». В случае же «невыполнения этих претензий» сторонники жесткой линии предлагали «порвать с горцами всякие сношения». Присутствовавшие на съезде представители ингушей и чеченцев в ответ вновь указали на то, что «от постоянных грабежей и разбоев страдает само туземное население» [23].

Данное возражение было справедливым. Подходы к урегулированию межэтнических конфликтов, основан-

ные на критерии коллективной ответственности, являлись пережиточными и в условиях сложившегося российско-согражданства не были конструктивными. Набеги между тем способствовали нарастанию напряженности, усиливая взаимное недоверие. Казаки жаловались, что их «грабят и убивают». Необходимостью самозащиты они объясняли свои ответные действия. В среде казачества распространялось убеждение в оправданности того, что из-за разбойных нападений на станицы они «закрывают дороги, сами не ездят и горцев не пропускают» [23].

Однако от грабежей, как уже отмечалось, страдало и само «туземное население». По мере углубления кризиса в 1917 г. восстановилась, как можно судить по различным событиям, линия противостояния, обозначившаяся еще в ходе Кавказской войны. Но тогда деление на «свой — чужой» имело определенность. Граница между избравшими российское подданство и оказывавшими сопротивление была тогда различима.

После окончания Кавказской войны производились массовые сселения в равнинные аулы для наделения землей. Население перемешивалось. У какой-то его части продолжала сохраняться враждебность к русским. В 1917 г. она проявлялась стихийно, но не преобладала в отношениях. В газетах, выходивших в крае, неоднократно сообщалось о том, что горцы ограждали русское население от нападений, создавали для этого отряды милиции, выносили постановления на съездах и аульных сходах «принять самые решительные меры для борьбы с преступным элементом вплоть до применения шариата» [23]. Но силовое воздействие в условиях продолжавшегося кризиса системы государственного

управления давало лишь ограниченные результаты. По сообщению газеты «Заря свободы» 28 июля 1917 г. «чеченский народ в целях борьбы с разбоями решил организовать платную ответственную народную милицию в 700 человек с содержанием» [24].

Численность создававшегося подразделения существенно превышала количество участников набегов. Окружным кадием уже в момент принятия решения были приведены к присяге 300 милиционеров. В торжественной обстановке с соблюдением мусульманского обряда они «покаялись служить верой и правдой, подчиняться законам и распоряжениям Временного правительства» [24]. Противодействие «грабежам и разбоям» и в этом случае из-за устраненности государственной власти опиралось на народную инициативу. Принятое же 28 июля 1917 г. решение проясняло наличие массовых протестных настроений против разбоя в преобладающей части аульных обществ.

Соответственно, содействовать совершаемым преступлениям против русского населения и «мирных горцев» или принимать в них участие могли лишь отдельные их представители. В кризисных же условиях 1917 г. сепаратистская трансформация набеговой традиции имела лишь ограниченный характер. Из-за произошедшей интеграции горского населения в российское сообщество националистическая альтернатива так и не сложилась. Дифференциация в его среде соотносилась с общими процессами. Мусульмане же северокавказской окраины вносили свой посильный вклад в борьбу с разгулом набеговой стихии. Российская государственность выдерживала испытания на прочность. И в 1917 г. проявилась устойчивая тенденция к ее сохранению.

1. Северокавказский край. 1917. 5 июля.
2. Терский вестник. 1917. 11 июля.
3. Терский вестник. 1917. 14 июля.
4. Терский вестник. 1917. 22 июля.
5. Терский вестник. 1917. 9 июля.
6. Заря свободы. 1917. 11 августа.
7. *Кашкаев Б. О. От Февраля к Октябрю. (Национально-освободительное движение в Дагестане).* М., 1972.
8. Вестник союза казачьих войск. 1917. 7 июля.
9. Терский вестник. 1917. 20 июля.
10. Северокавказский край. 1917. 27 июля.
11. Терский вестник. 1917. 13 июля.
12. Терский вестник. 1917 г. 18 июля.
13. Терский край. 1917. 14 июля.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 526.
15. Терский вестник. 1917. 16 июля.
16. Терский вестник. 1917. 28 июля.
17. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295.
18. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис // Документы и материалы. М., 1959.
19. Северокавказский край. 1917. 18 июля.
20. Терский вестник. 1917. 19 июля.
21. Терский вестник. 1917. 23 июля.
22. Терский вестник. 1917. 26 июля.
23. Терский вестник. 1917. 29 июля.
24. Заря свободы. 1917. 30 июля.